

РЕБЁНОК В ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ СЕМЬЕ: РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

**Бадмаева Сарюн-Туяа Борисовна,
Ермакова Екатерина Владиславовна,**
*студентки первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ*

Как будущие китаеведы мы заинтересованы в изучении актуальных социальных вопросов китайского общества. В 2021 году в Китае происходят важные демографические перемены: отмена политики «одна семья – один ребёнок» и разрешение от высшего руководства Коммунистической партии Китая на официальном уровне иметь в одной семье до трёх детей.

Рождение ребенка считается в этой стране одним из самых главных событий в жизни любой семьи. В традиционном понимании основными вехами цикла жизни человека являются: рождение, вхождение во взрослую жизнь и брак. Каждый этап – особенный и отмечается определёнными ритуалами.

Значительное внимание уделяется подготовке к родам. Так первые ритуалы предваряют рождение ребёнка. К ним, в частности, относятся подарки, которые делают будущей матери её родители на последнем месяце беременности [3, С. 197]. Михаил Васильевич Крюков, синолог, доктор исторических наук, ссылается на сообщения Мэн Юаньлао и У Цзыму, в которых говорится о традициях знатных и богатых

семей Кайфына и Ханчжоу: за месяц до появления ребёнка на свет родители жены посылают ей особые подарки для «облегчения родов». Среди подарков: серебряные блюда с пучком рисовой соломы, покрытой шёлком или бумагой и украшенной сверху цветами; паровые лепешки в знак того, что родители «разделяют боли» дочери; «спящий баран и лежащий олень», призванные, вероятно, навевать безмятежный сон; детская одежда ярких цветов жужубы; фрукты, провизия и т. д. В Ханчжоу было принято посылать утиные яйца из бумаги [6, С. 190]. Отец Иакинф (Никита Яковлевич Бичурин), один из основоположников российской синологии, отмечал, что «перед разрешением от бремени обыкновенно приглашают повивальную бабку, которая при рождении младенца исправляет всё нужное около родительницы. Матери бедных семейств наиболее кормят дитя собственной грудью, а богатые берут кормилиц» [1, С. 345].

В момент прихода ребёнка в мир с точностью записываются дата, час и минута его рождения, с тем, чтобы сообщить их прорицателю. Идёт ли речь о мальчике или девочке, выполняются определённые ритуалы и практики, призванные, с одной стороны, обеспечить встречу только что родившегося, а с другой стороны, защитить его от неблагоприятных влияний. Сюда входит купальня третьего дня, в которую бросают монеты и фрукты, после купания мальчиков одевают в красное, а девочек – в зелёное. [3, С. 194–195].

В день рождения ребёнка родственники и друзья преподносили семье новорожденного отборный рис, уголь и уксус. Изысканные яства присылали молодым родителям также на 7-й день («первый день ла»), 14-й («второй день ла») и 21-й («третий день ла») после родов. По истечении месяца родители жены вновь дарили молодым родителям бумажные деньги, золотые и серебряные монеты, фрукты, отрезки шёлка и т. п. Тогда же совершали обряд, называвшийся «встречей для купания ребенка». В присутствии всех родственников серебряный таз наполняли ароматной водой и опускали в него мылыша. Старшие родичи мужа и жены помешивали воду золотыми или серебряными булавками. Все бросали в воду деньги и жужубы, которые выхватывали и съедали молодые женщины. Бытовало поверье, что это способствует появлению мужского потомства. После купания прядь волос ребёнка помещали в шкатулку. Мать, держа на руках ребёнка, благодарила всех и вручала его свояченицам, что называлось «перенесением гнезда» [6, С. 190].

И. Каменорович в книге «Классический Китай» пишет: «На сотый день от момента рождения ребёнка и по истечении одного года (в день, когда ребёнок, по китайским представлениям, достигает двухлетнего возраста, поскольку считается, что новорожденному – один год) также проводятся церемонии, при этом стояние перед домашним алтарём, так же, как и блюда, устанавливаемые перед ним, считаются более весомыми и значительными, чем повседневные» [3, С. 195]. В этот день родительница впервые выходит из спальни. Сто дней от рождения называется *столетием* [1, С. 345]. Отец, следуя записанным ещё в «Лицзи» обычаям, давал ребёнку имя и совершал обряд пострижения [2, С. 142]. В ходе празднований ребёнку и его родителям дарят всевозможные амулеты [3, С. 195].

Однако в бедных семьях всё обстояло иначе: многие люди не могли себе позволить не то что соблюдать китайские традиции, но и содержать детей. В больших городах младенцев, которых не могли прокормить родители, чаще всего оставляли на улице. В деревнях новорожденных, которых не могли содержать, обычно топили (практика, имевшая особый размах на Юго-Востоке). В XII в. неоднократно появлялись эдикты, запрещающие под каким бы то ни было предлогом убивать или бросать без присмотра детей. Тогда же правительство начало создавать государственные детские приюты и специальные фонды продовольствия, предназначенные для оказания помощи многодетным семьям. Однако равнодушие и коррупция чиновничества свели к нулю эффективность этих мер [6, С. 191].

Ещё до рождения ребенка родители начинали беспокоиться о том, кем он будет. В городских семьях в идеале видели мальчика, который со временем станет богатым учёным, – воплощению этой мечты призваны были способствовать особые молитвы, талисманы и религиозные церемонии [3, С. 194].

Леонид Сергеевич Васильев писал о том, что отношение к рождению ребёнка зависело от его пола. Детьми, о появлении которых заботилась вся семья, были, главным образом, сыновья. Ещё в песнях «Шицзин» упоминалось о том, что новорожденного мальчика клали на нарядную циновку и давали ему в руки богатые игрушки, всячески его ублажая, тогда как родившаяся девочка лежала в углу дома на куче тряпья и забавлялась обломками глиняных сосудов. Такое различное отношение к сыну и дочери не только сохранилось, но и значительно усилилось в рамках конфуцианского культа предков [2, С. 142].

Рождение сына всегда было большим праздником в семье. Вся многочисленная родня приносила младенцу и его матери подарки, обычно полные символические, с пожеланиями новорожденному богатства и должности, счастья и славы, учёности и долголетия. Праздник в доме отмечался особо обильными жертвоприношениями в честь предков, духа домашнего очага и всех местных богов и духов. Бабушка новорожденного обычно сама приносила жертвенные продукты в местный храм в честь бога-покровителя данной местности [2, С. 142].

Более того, если в семье не было мужского потомства, муж имел право взять наложницу и сделать наследниками рождённых от неё сыновей. Владимир Вячеславович Малявин, синолог, доктор исторических наук, отметил широкое распространение практики усыновления мальчиков из чужих семей, хотя формы её были неодинаковы в разных областях Китая. Так, в большинстве районов Северного и на побережье Южного Китая обычай разрешал усыновлять только кровных родственников по мужской линии, тогда как в Восточном Китае допускалось усыновление детей сестёр или даже мальчиков, купленных в младенческом возрасте [7, С. 148].

Важное событие в семье – исполнение ребенку одного года. Круглый год называется «днём перворождения». В это время берут писчую кисть, чернильную плитку, тушь, бумагу, цветы, румяна, притирания, разные игрушки и показывают младенцу, чтоб он сам взял что-нибудь, и по сему судят о будущих его склонностях. Это называется «вынимать год» [1, С. 345].

Востоковед М.В. Крюков отмечает, что обычай праздновать дни рождения, широко распространившийся в средневековом Китае, возник сравнительно поздно и, вероятно, не без влияния буддизма с его праздником Дня рождения Будды. Ещё в 644 г. танский Тай-цзун счёл необходимым указать, что празднование дня рождения «не есть норма, установленная совершенно мудрыми древности», и что, к его прискорбию, люди веселятся по этому поводу сверх всякой меры. Но к тому времени новый обычай прочно вошёл в быт и сознание китайцев [6, С. 191].

Воспитание детей в китайской семье начиналось практически с первых месяцев. Китайская модель воспитания достаточно сильно отличается от западной. В условиях бешеной конкуренции китайцы учат детей покорности, терпеливости и трудолюбию, почитанию родителей.

Основную цель воспитания и образования в Среднем государстве известный западный китаист Иван Каменарович определил введением молодого человека в лоно семейной и социальной общины, где «акценты, прежде всего, ставятся на ценностях спаянности и гармонии в рамках группы». «Здесь идет речь не о формировании взрослых людей, которые должны будут освободиться от влияния своих родителей, а потом их оставить, но о людях, которые были бы способны продолжить древнюю цепь, включающую в себя десятки поколений, из которых несколько в каждый отдельный временной период призваны жить под одной крышей,» – отмечает он [3, С. 195–196].

Принципы воспитания и учебных занятий строятся в Китае, прежде всего, на необходимости приобретения хороших манер, учтивости, требующихся для того, чтобы сделать гармоничными отношения в обществе. Однако не упускается из виду идея личностного расцвета, поскольку признаётся необходимым выявить дарования ребёнка, чтобы их культивировать. *Но статус личности в Китае всегда считался строго подчинённым по отношению к семейной и социальной сети* [3, С. 198].

В старом Китае все жизненные правила и ценности, внушаемые детям с младенческой поры, воспитывали в них способность беспрекословно повиноваться старшим, жить в мире с родственниками и жертвовать личными интересами ради сплоченности семьи. Такая программа воспитания подкреплялась тезисом о том, что родители и дети «составляют одно тело», и что дети должны сохранять в целостности своё тело, в котором продлевается жизнь предков. Идея взаимозависимости родителей и детей подчеркивается во многих китайских поговорках: «Если ребёнок уколет палец, матери больно», «Когда рождается ребёнок, мать в опасности». Первые два – три года жизни ребёнок и в самом деле воспринимался в семье почти как физическое продолжение родительского (материнского) тела: он ел и спал вместе с родителями и даже, привязанный к материнской спине, повсюду сопровождал её в труде и на отдыхе. Грудного младенца мать обычно кормила, как только он начинал плакать, причём кормление дитя грудью продолжалось очень долго: обычно до трёх – четырёх и даже более лет. Впрочем, подобный «интенсивный семейный» тип воспитания в младенческом возрасте уже не характерен для городов в КНР, где большинство детей попадают в ясли и лишаются родительской заботы уже в трехмесячном возрасте [7, С. 549–550].

В раннем детстве мальчики и девочки воспитывались совместно. Затем, следуя древним правилам «Ли цзи» («Запискам о правилах благопристойности», одного из главных канонных конфуцианства), их разделяли: в семь лет мальчик и девочка уже не ели вместе и не сидели на одной циновке. Девочку чуть ли не с семи – восьми лет начинали понемногу готовить к замужеству, внушать ей правила поведения и повиновения мужу и старшим. Мальчика обычно всегда старались отправить в школу, выучить, «вывести в люди». Для этого с шести – семи лет его отдавали учителю, который на протяжении многих лет, с утра и до вечера, без перемен, выходных и каникул, вбивал в головы учеников заключенную в конфуцианских книгах премудрость [2, С. 143]. Первой книгой, которая попадала в руки учащихся, была «Книга по три слова [в строке]» – «Сань цзы цзин», написанная в VIII в. Ван Ин-линем. Она представляет собой небольшую дидактическую энциклопедию, сжатым литературным языком вводившую учащихся в круг предметов, составлявших основу образования. Книга давала детям необходимый запас иероглифов и терминологии. «Сань цзы цзин» прославляет древних мудрецов, даёт краткое изложение конфуцианского учения и характеристику классических книг, излагает основные события и смены династий в китайской истории. В заключение учащиеся призываются к ревностному и прилежному учению, которое одно может помочь им прославить предков и доставить счастье потомству [5, С. 428]. Но мальчики не ограничивались только обучением с учителем. Дома они воспитывались также по канонам и обычаям «Ли цзи», в позднее средневековье – по «Чжуцзы цзяли» («Домострой Чжу Си») [2, С. 143].

Устои китайского домостроя были направлены на воспитание в женщине качеств, необходимых для надлежащего исполнения ею роли супруги и матери: трудолюбия, рачительности, скромности, покорности мужу и его родственникам [4, С. 307]. Уже в раннем детстве девочке приходилось ждать, пока братья вдоволь наиграются новой игрушкой, прежде чем она сама могла поиграть ею [7, С. 553]. Согласно узаконенной в традиционном Китае системе женского воспитания, начиная с 5 – 6 лет, девочка должна была одеваться в женское платье, носить взрослую причёску и жить отдельно от братьев. В возрасте 7 – 8 лет ей поручалось выполнять небольшую домашнюю работу, а с 10 лет запрещалось выходить из дома одной и принимать участие в совместных с братьями играх и семейных развлечениях. С 12 – 13 лет в семье

начиналось обучение девочки женским ремёслам и искусствам. В рамках семейного общежития девочкам и девушкам, достигшим брачного возраста, категорически запрещались самовольный выход к гостям родителей или старших братьев, ведение по собственной инициативе публичных разговоров, громкий смех [4, С. 307].

Владимир Вячеславович Малявин в своих трудах подчёркивает, что «воспитание было главным образом нацелено на подавление тех факторов, которые представляли угрозу для установленного уклада жизни. Китайские нравы не допускали не только неповиновения старшим (что в большинстве случаев могло расцениваться, как и уголовное преступление), но и любые формы агрессивного поведения детей, угрожавшего разрушить мир и согласие в обществе. Если сосед некоего мальчика приходил с жалобой к его отцу, последний обычно подвергал своего отпрыска физическому наказанию, не вникая в обстоятельства дела. Хвалить своих детей и порицать чужих считалось верхом неприличия. Общеизвестна нелюбовь китайцев к подвижным видам спорта и публичной демонстрации своей силы и способностей. Агрессия и всякая состязательность осуждались здесь ещё и потому, что могли создать опасность для здоровья» [7, С. 552].

Главным в воспитании было глубокое постижение всей конфуцианской эпохи с её обилием церемоний, с её требованиями безусловного повиновения и почитания старших. Как отмечается в трудах специалистов-синологов о детском воспитании в старом Китае, детей никогда не рассматривали как особую специфическую категорию людей с присущими ей правами и потребностями. Мальчиков (как и девочек на женской половине дома) учили перенимать все привычки, правила поведения и традиции взрослых [2, С. 143]. Детей даже не обучали исполнению семейных ритуалов: младшие просто подражали действиям старших. «Родители контролировали своё малолетнее потомство, главным образом, чисто физически или посредством символических жестов – приблизительно так, как делал один конфуцианский учёный древности, который, по словам его биографа, когда кто-нибудь в семье поступал дурно, снимал шапку (в Китае снять шапку на людях означало признать свою вину), а жена и дети не осмеливались подойти к нему до тех пор, пока он не надевал шапку вновь» [7, С. 551].

Китайские родители, вообще говоря, немногословны в общении с детьми, что соответствует приоритету коммуникации в китайском идеале ритуального поведения. Нередки случаи, когда отец воспитывал сына посредством односложных команд: «Сиди!», «Не двигайся» и т. п. [7, С. 550–551].

Невозможно не признать значимость культа старших в воспитании детей, начало которому положил еще Конфуций, ценивший мудрость стариков, свидетелей «добрых старых времён». Различие между положением младшего и старшего и санкционированное конфуцианскими традициями обязательное почтение к старшему, повиновение его слову и т. п. привели к появлению в Китае подлинного культа стариков. Этот культ, тесно связанный с культом предков и производный от него, не имеет себе равных в истории других цивилизованных народов [2, С. 144].

В условиях господства культа предков, желание детей, как можно скорее вырасти, научиться всему, что положено взрослым, было во много раз более сильным, чем где-либо. Это объяснялось различием в положении младших и старших, как в семье, так и в обществе в целом. Эти отношения не были связаны ни с беспрекословным повиновением, ни с обязательством подчинения младшего старшему. Однако и они накладывали на младших столько обязательств и неперенных почтительных церемоний, что быть младшим порою становилось неважно. Речь идёт не просто об элементарной этике: уступить дорогу или место старику, сойти с колесницы при встрече со старшим по чину или отвесить глубокий поклон своему учителю (это был обязан сделать даже сам император). Цепь обязательных церемоний сковывала младшего намного крепче. «Так, например, – как пишет Л.С. Васильев, – на любой вопрос старшего младший должен был, униженно кланяясь, отвечать с упоминанием о своей некомпетентности судить об этом. Правила «Ли цзи» предусматривали, что младший не должен сидеть на одной

циновке со старшим, ему не следует в присутствии старшего... ни кричать, ни показывать пальцем, ни отвлекаться в другую сторону, ни даже смотреть своему собеседнику в лицо. Младший не должен положить в рот кусок или выпить глоток за обедом раньше старшего. В ответ на оклик старшего он обязан не просто отозваться, но встать и почтительно подойти к нему. Младший не смеет даже поправить старшего в том случае, если последний проявил незнание или некомпетентность в своем суждении» [2, С. 144–145].

Культ стариков был очень тесно связан с культом предков и сыновней почтительности *сяо*, однако в одном отношении между этими родственными культурами возникало некоторое этическое и логическое несоответствие. Дело в том, что быть старшим и даже старым – почётно и приятно. Но ведь за старостью неизбежно следует смерть. И если твои родители стареют – значит они скоро умрут. А для хорошо воспитанного в духе *сяо* человека мысль о смерти его родителей просто невыносима. Вот почему правила приличия, зафиксированные «Ли цзи», требуют, чтобы почтительный сын в разговоре с родителями никогда не употреблял слова «старый» и не напоминал отцу и матери об их возрасте и возможной близкой кончине [2, С. 147]. Со временем в Китае сложился особый цикл образцовых примеров сыновней почтительности, куда вошли рассказы о сыновьях, которые так горячо любили своих родителей, что, будучи уже вполне взрослыми людьми, изображали из себя младенцев, дабы не напоминать престарелым отцу и матери об их возрасте [7, С.552].

Л.С. Васильев писал, что «на младшего в доме и в обществе накладывался нелёгкий груз обязательных условностей, которые своей тяжестью иссушали его истинное «я», лишали его уже с раннего детства обычных, свойственных природе человека, искренних чувств и непосредственных реакций и обязывали его делать всё так, как полагается. Такая система этического воспитания подрастающего поколения давала очень неплохие результаты» [2, С.145]. «Господство этического начала, примат рационального над эмоциональным, в сочетании со строго разработанными неуклонно применявшимися догматами и обрядами всех конфуцианских культов (прежде всего культа предков, *сяо* и семьи) – все это способствовало формированию покорных, преданных и почтительных граждан» [2, С.145].

Более того, Л.С. Васильев пришёл к выводу, что именно конфуцианская система норм и обрядов воспитания молодых и младших позволили китайскому обществу достичь весьма высокого морального стандарта. Также он полагал, что едва ли ещё в какой-либо из развитых и культурных стран мира был достигнут столь высокий уровень морали и такой ничтожный процент аморального поведения (разврата, преступности, пьянства и т.п.), как в Китае. Но в то же время замечал, что все это давалось очень нелёгкой ценой. За высокий моральный стандарт общество платило столь же высоким уровнем консервативного застоя, культа неизменности обычаев и привычек, культа безусловной мудрости древних и старших.

Неудивительно, что в таких условиях каждый младший, молодой член общества чуть ли не с первых лет своей жизни стремился как можно скорей вырасти, стать взрослым и старшим. При этом не столько для того, чтобы скорей проявить свою самостоятельность, индивидуальность и т. п., сколько для того, чтобы уже не только быть обязанным перед всеми старшими в доме и обществе, но и самому получать заслуженную с возрастом долю внимания и уважения [2, С. 145].

Традиции, связанные с рождением и воспитанием детей в Китае, представляют огромную культурную ценность не только в историческом рассмотрении, но и в контексте современной жизни. Весомая их часть соблюдается и сейчас, что говорит о внушительной преемственности в культуре Китая.

Список использованной литературы:

1. Бичурин, Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – Москва : Восточный Дом, 2002. – 432 с.
2. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. – Москва : Наука, 1970. – 484 с.
3. Каменарович, И. Классический Китай. – Москва : Вече, 2006. – 416 с.
4. Кравцова, М. Е. История культуры Китая. – Санкт–Петербург : Лань, 2003. – 416 с.
5. Кривцов, В. Н. Народное образование в Китае // Китай : история, экономика, культура. Героическая борьба за национальную независимость. – Москва; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1940. – С. 427–428.
6. Крюков, М. В. Китайский этнос в средние века (XII–XIII вв.) / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. – Москва : Наука, 1984. – 336 с.
7. Малявин, В. В. Китайская цивилизация. – Москва : Астрель, 2000. – 631 с.